

ное, и тѣмъ болѣе невыносимое, что тутъ нѣтъ никого виноватаго.

И, наконецъ, еслибъ даже предположить эту сказку объ устроенномъ, наконецъ-то, на землѣ человѣкѣ на разумныхъ и научныхъ основаніяхъ — возможною и повѣрить ей, повѣрить грядущему, наконецъ-то, счастью людей, — то ужь одна мысль о томъ, что природѣ необходимо было, по какимъ-то тамъ коснымъ законамъ ея, истязать человѣка тысячелѣтія, прежде чѣмъ довести его до этого счастья, одна мысль объ этомъ уже невыносимо возмутительна. Теперь прибавьте къ тому, что той же природѣ, допустившей человѣка, наконецъ-то, до счастья, почему-то необходимо обратить все это завтра въ нуль, не смотря на все страданіе, которымъ заплатило человечество за это счастье, и, главное, насколько не скрывая этого отъ меня и моего сознанья, какъ скрыла она отъ коровы, — то невольно приходитъ въ голову одна чрезвычайно забавная, но невыносимо грустная мысль: «ну что, если человѣкъ былъ пущенъ на землю въ видѣ какой-то наглой пробы, чтобъ только посмотрѣть: уживется ли подобное существо на землѣ или нѣтъ»? Грусть этой мысли, главное — въ томъ, что опять-таки нѣтъ виноватаго, никто пробы не дѣлалъ, некого проклясть, а просто все произошло по мертвымъ законамъ природы, мнѣ совсѣмъ непонятнымъ, съ которыми сознанію моему никакъ нельзя согласиться. Ergo: